

РЕЦЕНЗИИ

А.А. Кибрик, В.И. Подлесская (ред.). Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009. (735 с. + CD).

Публикацию по результатам проекта, осуществлявшегося группой исследователей под руководством А.А. Кибрика и В.И. Подлесской в течение 10 лет (с 1999 г.), нельзя назвать иначе как фундаментальной. Дело не в объеме книги (60 п. л.) и во временной протяженности проекта, а в ощущении, которое возникает при чтении книги – это своего рода энциклопедия, исследовательский мир, прописанный от исходных посылок и принципов транскрибирования устной речи (часть I) до выполненных на материале уже затранскрибированного корпуса частных исследований (части III и IV).

Жанр рецензии предполагает краткое, в несколько предложений описание книги и, в данном случае, проекта, на который она опирается. Исследование базируется на корпусе из 129 детских (от семи до семнадцати лет) пересказов снов, причем чуть больше половины рассказов записано от детей с невротическими расстройствами, а чуть меньше половины – от здоровых детей. Корпус общей длительностью несколько часов содержит около 14 тыс. словоупотреблений и примерно 3 800 элементарных дискурсивных единиц – сегментов текста, примерно соответствующих клаузам традиционного лингвистического анализа. Книга сопровождается аудиозаписью (wav) корпуса на компакт-диске. Исследование корпуса показало, в частности, что устный дискурс детей, страдающих неврозами, обладает структурными особенностями, отличающими его от устного дискурса здоровых детей (контрольной группы).

Следует, однако, иметь в виду, что, хотя формирование исходного корпуса было подчинено цели выявления языковых манифестаций невротических заболеваний для их лучшей диагностики, хотя проект строился вокруг конкретной исследовательской задачи – с самых первых страниц книги становится ясно, что цели проекта значительно шире; в определенном смысле они вообще не связаны ни с какой конкретной клинической задачей. Лишь сто страниц более чем семисотстраничного тома

посвящено собственно клиническим приложениям (часть III), в то время как незначительно уступающая ей по объему часть IV, содержащая частные исследования на базе корпуса, никак или практически никак с невротическими речевыми отклонениями уже не связана. Сами авторы, выделяя два яруса организации нарратива – локальную и глобальную структуру дискурса, – прямо указывают на то, что в сфере их интересов лежит прежде всего именно первая, в то время как различия в речи двух групп детей выражаются скорее в особенностях глобальной структуры или, по крайней мере, относятся к интерфейсу между двумя этими уровнями (особенности риторической организации речи). Дело, очевидно, в том, что исследование глобальной структуры дискурса не могло быть осуществлено без разработки инструментария для анализа локальной структуры – инструментария, к созданию которого лингвистика приступила относительно недавно и который для русского языка попросту отсутствовал. Отсюда степень детальности транскрипции, повышенное внимание к принципам сегментирования речевого потока и многое другое. Как говорят сами авторы (с. 33–34), смещение исследовательских акцентов и расширение сферы теоретического анализа происходило постепенно. В результате выбор корпуса оказывается по сути почти случайным; похожая книга могла появиться и на базе анализа дискурса только здоровых детей, дискурса взрослых, корпуса диалогов и т. п.

Несмотря на этот элемент случайности, методы и результаты исследования и их представление в печатной форме производят самое глубокое впечатление. В книге подробно описываются не только принципы нотации, но и методы и критерии принятия конкретных решений, так что она сможет стать серьезным подспорьем для проведения самостоятельного исследования дискурса, в том числе и на другом языковом материале; более того, в ней содержится ряд вполне практических рекоменда-

ций для работы с некоторыми компьютерными приложениями (например, Speech Analyzer).

Наконец, уже из введения становится ясно, что значимость проекта не ограничивается только академической составляющей. Большинство участников марафона – студенты, которые в ходе проекта формировались как исследователи, писали статьи и защищали по частным подтемам проекта дипломы и диссертации. О возникновении московской школы дискурсивного анализа говорить рано, но выход этой книги и параллельные публикации разных участников проекта закладывают для этого определенный фундамент. Поэтому мы считаем необходимым перечислить здесь если не весь исследовательский коллектив, то по крайней мере всех авторов, принимавших участие в написании и подготовке книги: Н.М. Воскобойникова, В.Л. Голубев, Ю.В. Дараган, З.В. Ефимова, А.А. Кибрик, Е.А. Корабельникова, Н.А. Коротаев, А.О. Литвиненко, А.С. Луценко, Д.В. Найшуль, В.И. Подлесская, О.А. Савельева-Трофимова, В.Г. Хуршудян, В.Л. Цуканова.

Критические замечания и соображения мы выскажем в конце обзора, а пока перейдем к подробному описанию структуры книги и ее содержания. Том разбит на шесть частей, каждая из которых (за исключением двух последних – см. ниже) состоит из глав со сквозной нумерацией; всего таких глав 13.

Первая часть носит вводный характер. Глава 1 кратко описывает теоретические предпосылки проекта, вводит фундаментальные для него понятия и обосновывает приоритеты. Обсуждается сравнительная значимость исследований письменного языка и устной речи. Авторы подчеркивают, что, хотя формально от примата письменного языка лингвистика давно отмежеввалась, на практике мы продолжаем исследовать в первую очередь именно письменную форму. В то же время дистанция, разделяющая письменную и устную речь, несравнимо больше, чем может представить себе человек, никогда не работавший с последней. В этой же главе разъясняются особенности корпусного метода в анализе дискурса – прежде всего принцип большей значимости частотных явлений по сравнению с более редкими. Далее авторы вводят читателя в проблематику дискурсивной транскрипции, причем особенно важно указание на прагматический характер транскрипционных решений – как и в любом корпусном методе запись ориентирована на решение определенных задач; транскрипция, использованная в корпусе, ориентирована в первую очередь на изучение локальной структуры

дискурса. Для сравнения – Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru) является лексико-грамматически ориентированным, и именно поэтому его устный подкорпус не использует особой дискурсивной транскрипции – обычная орфографическая запись в основном достаточна для изучения особенностей лексики, морфологии и большей части аспектов грамматической семантики устной речи. Изучение синтаксической организации устного дискурса невозможно без адекватного отражения особенностей сегментации речевого потока и требует более детальной транскрипции. На ее реализацию необходимо больше исследовательского времени; как следствие, такие корпуса не могут сравниться по объему с устными корпусами Британского национального корпуса или Национального корпуса русского языка – на транскрипцию одного часа устной речи требуются сотни часов работы с записью. Далее, в конце главы дается определение когнитивного подхода к анализу дискурса, положенное в основу исследования. «Когнитивная лингвистика» – термин многозначный и даже расплывчатый, или, лучше сказать, у нас на глазах расплывающийся, поэтому мы считаем целесообразным процитировать определение, которое дают авторы проекта и которое кажется нам одновременно ясным и операциональным: «в основе дискурсивного процесса лежит план говорящего – внутреннее ментальное задание, которое говорящий имеет до формирования внешней языковой формы... В процессе реализации этого плана говорящий совершает многочисленные выборы, и языковая форма является уже результатом этих выборов» (с. 31; ср. также с. 52). Глава 2 рассказывает об истории проекта и происхождении транскрибируемого корпуса (авторы книги получили аудиозаписи будущего корпуса в готовом виде, «в наследство» от осуществленного ранее собственным клиническим исследованием).

Часть вторая («Организация устного дискурса и его транскрибирование») занимает почти половину книги и является своеобразным введением в синтаксическую структуру русской устной речи, а в каком-то смысле – и в теорию локального синтаксиса устной речи вообще, поскольку многие положения главы авторы подкрепляют опытом зарубежных исследований. Возможно, говорить о синтаксисе не вполне точно, так как у читателя возникла бы слишком сильная аналогия с синтаксисом в привычном ему понимании – именно поэтому авторы выбрали более нейтральный термин «организация» (сходным образом авторы избегают термина «синтагма»; впрочем, термином «предложение» они все-таки пользуются – ве-

роятно, за отсутствием хорошей альтернативы). Речь идет об аналогах наших синтаксических представлений, как они видятся из перспективы исследования устной речи. Центральным сюжетом этих глав являются принципы сегментации устного дискурса, в несколько меньшей степени – внутренняя структура этих единиц и принципы их организации в более крупные единства. Именно эта глава, как нам кажется, является центральной частью книги, будет интересна для максимально широкого круга читателей и может использоваться в качестве практического руководства по выработке и применению дискурсивных транскрипций под конкретные задачи – одним словом, является важным вкладом в теорию и методологию лингвистики. Поэтому в настоящей рецензии мы сосредоточимся на обсуждении этой главы и дадим лишь краткий обзор других разделов книги, описывающих использование корпуса в конкретных клинических и лингвистических исследованиях.

Во вступлении ко второй части и главе 3 формулируются принципы транскрибирования устного текста, от очевидных «не исправь то, что слышишь» и проблем, связанных с одновременным наличием нескольких альтернативных решений, до необходимости сконструировать модель речепорождения в реальном времени, мотивируемой принципами когнитивного анализа.

Дальнейший материал поделен между главами по принципу «нормальности» явления – в главе 4 описываются базовые, наиболее часто реализуемые дискурсивные структуры и их свойства (канонические явления), в главе 5 – неканонические структуры и явления, определяемые как отклонения от канонических структур, а в главе 6 – речевые сбои, отклонения от идеальной модели речепорождения, вызванные помехами канала или когнитивными затруднениями говорящего (примеры см. ниже). В качестве основной единицы анализа вводятся ЭДЕ – элементарные дискурсивные единицы. За ЭДЕ стоит как физиологическая, так и языковая реальность; это своего рода возрожденная соссюрская двойная природа языкового знака, неразрывная связь между планом выражения и планом содержания, но не постулируемая для абстрактного языкового уровня, как обычно трактует Соссюр структурализм, а подтвержденная эмпирическими исследованиями устной речи (впрочем, мы не вполне уверены, что авторы разделяют эту аналогию). Действительно, с одной стороны, в основе одной ЭДЕ лежит поток воздуха, выдыхаемого легкими за один раз. С другой стороны, сегмент речевого потока, порождаемый в этот временной интервал, в большинстве случаев соответству-

ет синтаксической единице – клаузе. Иными словами, если в принципе мы могли бы ожидать, что говорящий произвольно распределяет речевой поток по отрезкам между вдохами, на самом деле оказывается, что такие отрезки обладают определенной степенью синтаксической и семантической автономности или, по крайней мере, завершенности. (Напомним, что неканонические ЭДЕ, некоторые виды которых демонстрируют отклонение от этого принципа, обсуждаются в главе 5.) В связи с обсуждением принципов организации и, в практическом плане, транскрипции дискурса и выделения ЭДЕ обсуждаются такие явления, как движение частоты основного тона и ее неизбежное возвращение к некоему фиксированному значению в начале каждой ЭДЕ (reset); несущий центр (просодическое выделение одного слова или составляющих ЭДЕ, несущих основную информационную нагрузку); изменение громкости и скорости речи к концу ЭДЕ; пограничные паузы, разделяющие ЭДЕ. Дополнительно обсуждаются разные типы высказываний (иллокутивные типы): сообщение, вопрос, директив, обращение, восклицательность.

Здесь же определяется важное понятие фазы – дискурсивной категории, имеющей два значения – финальная и нефинальная. Речь идет о том, как адресат понимает, будет ли следующая словоформа принадлежать той же ЭДЕ или говорящий перейдет к порождению следующей ЭДЕ; как оформление ЭДЕ позволяет понять, является ли данная ЭДЕ последней в цепочке; и, наконец, как оформление цепочки ЭДЕ позволяет понять, что говорящий заканчивает им свою реплику. Фаза выражается в первую очередь просодическими средствами и позволяет адресату прогнозировать структуру воспринимаемого им речевого потока и планировать его обработку и взаимодействие с говорящим. Группа ЭДЕ, лишь последняя из которых оформлена как финальная, соответствует традиционному понятию предложения. Этим термином авторы и пользуются в дальнейшем, оговорив, впрочем, связанные с этим терминологическим решением проблемы.

В следующей, пятой главе рассматриваются различные типы ЭДЕ, по тому или иному параметру отклоняющиеся от канонической структуры ЭДЕ в русском языке. Сюда относятся, например, ЭДЕ, не содержащие финитного глагола, и безглагольные ЭДЕ. Синтаксически важным типом неканонических ЭДЕ являются такие ЭДЕ, которые являются семантико-синтаксическим сателлитом либо последующей, либо предшествующей ЭДЕ (причем единая клауза распределяется по нескольким ЭДЕ) – например, вынесенные топики. Важным критерием выделения материала в отдельную,

хотя и неполноценную ЭДЕ является наличие в главной ЭДЕ материала, дублирующего вынесенную группу, – например, реприза топики местоимением или наличие ИГ, уточняемой неполной именной ЭДЕ. Проводится различие между запланированными и незапланированными отклонениями от канонической структуры, которое оказывается существенным с точки зрения моделирования речевого поведения. Как запланированными, так и незапланированными могут быть, например, топики или уточнения (парцелляции). Подробно рассматриваются дискурсивные свойства именных групп, в том числе фрагментация именной группы – выделение второго элемента в отдельную ЭДЕ. Другие типы отклонения от канонической структуры: вставка дополнительного материала, который оформляется как отдельная ЭДЕ (каноническая или неканоническая) как бы внутри синтаксического единства, в результате чего это единство оказывается распределенным между двумя неканоническими и неконтактными ЭДЕ; регуляторные ЭДЕ (т. е. ЭДЕ, образованные различными дискурсивными словами) и др. Интересен описываемый в разделе 5.8 феномен нефинального падения тона: в большинстве случаев падение тона обозначает завершение иллокутивно единой последовательности ЭДЕ, но в корпусе обнаруживаются примеры с падением тона, не выражающим финальную фазу. Авторы показывают, что такие примеры обладают особенностями (в том числе просодическими), позволяющими адресату отличить его от финального. Другие обсуждаемые типы отклонения от каноничности – наличие не одного, а нескольких несущих акцентов; интонация «многоточия», выражающая неполноту информации; цепочки связанных ЭДЕ, неоднородных с точки зрения собственно иллокутивной силы (т. е. совмещающие утвердительные, вопросительные, директивные и др. ЭДЕ).

В главе 6 рассматриваются различные типы нарушений плавного развертывания спонтанного дискурса – типология речевых затруднений и способов их преодоления. Авторы указывают, что, если традиционная лингвистика рассматривает речевые сбои, являющиеся внешним проявлением таких затруднений, как помехи для изучения структуры языка, и прибегает к нормализации спонтанного текста, именно эти сбои являются основным источником данных для когнитивного и психологического, а опосредованно и для социолингвистического анализа речевого поведения. Здесь уместно провести частичную аналогию с корпусными методами в исследовании письменного текста, также ориентированными не на норму, а на узус, которого лингвистика традиционно чуждается, считается, что именно это

позволяет корпусной лингвистике усматривать актуальные тенденции в развитии языка. Предлагается различать следующие основные виды сигналов о речевых затруднениях говорящего: заполненная пауза, гортанная или губная смычка, обрыв слова, удлинённая реализация фонем. Эти сигналы могут комбинироваться – так, удлинение фонем иногда плавно переходит в заполненную паузу, а обрыв слова часто сопровождается смычкой. Речевые затруднения могут получать лексическое выражение – дискурсивные междометия (*ой, ну*), препаративные замены (традиционный английский термин – «placeholders»; например, *этом*). О них могут сигнализировать специальные типы речевого поведения, которые в книге предлагается называть коррекцией и редактированием. Коррекция – это мгновенная реакция говорящего на неудовлетворительный с его точки зрения фрагмент порожденной ЭДЕ. Редактирование предполагает замещение цельнооформленного и полностью озвученного фрагмента речи. Типологии и методам транскрибирования коррекций посвящена значительная часть главы; несколько менее подробно обсуждается явление редактирования.

В главе 7 рассматриваются типы ЭДЕ, которые демонстрируют отклонение от канонических ЭДЕ в сторону большей синтаксической сложности, или, в терминологии авторов, «больших ЭДЕ» – ЭДЕ с несколькими глагольными словоформами. Сюда относятся конструкции с (квази)сериализацией и редупликацией глагола, некоторые конструкции с сентенциальными актантами, определенные типы цитирования. Близко к этой проблематике находятся и конструкции, которые явно составляют две различных ЭДЕ, но конкретное место для проведения границы между которыми оказывается сложно установить (например, конструкции с соотносительными местоимениями – *тогда[,] когда, тот[,] кто* и т. п.). На примере разбора конструкций с цитированием очень хорошо виден исследовательский метод, характерный для книги в целом – вместо того, чтобы брать готовые определения формальных синтаксических структур из традиционного синтаксиса, авторы стремятся заново, с нуля, определить описываемый ими феномен. На самом деле этот подход, по-видимому, является единственно возможным при изучении устного дискурса – настолько велика пропасть, отделяющая его от принципов организации письменной речи. И хотя конкретно в данном случае авторы являются далеко не первыми, кто оспорил жесткое разграничение прямого и косвенного цитирования, это не отнимает у них заслуги в том, как четко и последовательно они разобрали эту проблему на своем материале.

Глава 8 организована по остаточному принципу: в нее вошли те явления, которые продемонстрировали относительно высокую встречаемость в корпусе, но не лежат в плоскости большей или меньшей каноничности / нормальности затрагиваемых структур. Среди них – характерное для части вставок (см. выше) снижение нейтральной для говорящего частоты основного тона, которое влечет соответствующее смещение всех тоновых движений внутри ЭДЕ; типичное для тех же вставок и цитирования увеличение свойственного конкретному говорящему среднего темпа артикуляции; удлинение гласной; редуцированное произнесение, типичное для нерелевантных фрагментов информации или для определенных социальных отношений между говорящим и адресатом; эмфатическое выделение; глоттальные элементы; неречевые элементы дискурса (смех, кашель). Кроме того, разъясняются способы обозначения таких технических элементов аудиофайла, как неразборчивая речь или обрыв записи.

Мы надеемся, что подробное изложение принципов и оснований транскрипции хотя бы отчасти прояснили причины диспропорции между размером корпуса (два часа записи, около 14 тыс. словоупотреблений) и длительностью проекта (около десяти лет). В корпусе сновидений все описанные выше явления последовательно и детально транскрибируются, спорные и промежуточные случаи рассматриваются индивидуально. Насколько можно судить со стороны, в этой работе нет случайных решений.

Повторим, что содержание других частей тома будет охарактеризовано лишь в самых общих чертах – и потому, что вторая часть представляется нам во многом центральной, и потому, что третья и четвертая часть содержат описание конкретных исследований, которые относительно слабо связаны между собой и каждое из которых заслуживает подробного разбора. Показательна и статистика авторства – если во второй части большинство глав написано в соавторстве четверьмя, иногда пятью участниками проекта, то главы третьей части имеют двух и трех авторов, а авторство глав четвертой части и вовсе индивидуально. Иными словами, книга, первая половина которой выглядит как коллективная монография, во второй половине больше похожа на две отдельные, относительно автономные публикации.

Часть третья посвящена клиническим приложениям корпуса и состоит из двух глав. Глава 9 является своего рода введением в современное состояние знаний о невротических расстройствах. В ней обсуждаются различные модели возникновения неврозов, детские нев-

розы, их связь со сновидениями и методы их диагностики. Глава 10 – анализ дискурса о сновидениях как возможной базы для диагностирования невротических заболеваний у детей. Выше уже было сказано, что в корпус в примерно равном количестве включены рассказы здоровых детей и детей, страдающих неврозами. Авторы сравнивают в первую очередь риторическую структуру дискурса у этих двух групп испытуемых. Вывод, к которому они приходят на материале корпуса, следующий: если «здоровый» дискурс характеризуется плоской структурой, линейным следованием центральных эпизодов и малым ветвлением изложения, то дискурс ребенка, страдающего неврозом, больше ветвится, обладает более сложной иерархической структурой и в целом большей длительностью. Часть четвертая состоит из трех содержательно неоднородных глав. Глава 11 посвящена методам определения просодических характеристик говорящего. Дело в том, что многие дискурсивно значимые просодические явления определяются по отношению к некоторому среднему значению – основному тону, целевому тону при движениях тона и т. п. (ср. также средний темп артикуляции). Но эти средние значения индивидуальны для каждого носителя, поэтому при анализе устного дискурса необходимо сначала определить эти средние значения – составить «просодический портрет» говорящего. В главе на конкретных примерах показано, как можно это сделать. В этом смысле глава носит вспомогательный, инструментальный характер: она описывает не столько результаты дискурсивного анализа, сколько методы, лежащие в его основании. Главы 12 и 13, напротив, представляют результаты исследования определенных дискурсивных явлений и структур. Первая рассматривает две просодические характеристики сложноподчиненных структур – величина пограничной паузы и соотношение акцентов в связанных ЭДЕ. Пограничные паузы оказываются существенно короче, чем аналогичные паузы между ЭДЕ, не связанными такими синтаксическими отношениями, что отражает синтаксическую интеграцию соответствующих клауз. Выделенные типы акцентных схем, в свою очередь, отражают разную коммуникативную значимость синтаксически главной ЭДЕ по отношению к подчиненной. Глава 13 исследует выражение конкретного типа логических отношений между ЭДЕ – случаи, когда одна единица дискурса служит для временной характеристики другой. Показана корреляция формальной и семантической типологии таких конструкций.

Последняя часть книги – почти двести страниц транскриптов – собственно корпус расска-

зов о сновидениях, который не нуждается в специальных комментариях. Осталось высказать некоторое количество соображений, вопросов и замечаний, отчасти критических.

Пожалуй, первый и главный вопрос, который возникает при чтении книги и которого авторы, возможно, намеренно постарались избежать, это вопрос о статусе устной речи в сравнении с другими типами языковых данных – языковая анкета, письменный узус, нормализованные записи. Однозначно высказавшись в пользу необходимости изучения спонтанной устной речи во введении к книге, авторы далее почти не возвращаются к вопросу об отношении их метода к более традиционным сферам лингвистического анализа. Вопрос повисает в воздухе, хотя он гораздо более дискуссионен, и поэтому гораздо более важен, чем тезис, высказанный авторами эксплицитно. Изучение устной речи предстает как бы изолированной, самостоятельной дисциплиной. Нам кажется, что такая позиция уязвима и что для некоторых исследований оказывается необходимым представление о нормализованном устном дискурсе, который, возможно, перекидывает мостик между спонтанной устной и письменной формами существования языка.

Каждый, кто когда-нибудь принимал участие в документировании малых языков, прекрасно знает, что носитель, помогающий исследователю в расшифровке чужого или даже своего текста, высказывает свое отношение к степени «нормальности» этого текста (иногда в довольно резкой форме). Подчас приходится тратить много времени и усилий для того, чтобы убедить его не корректировать живую речь, специально тренировать его работать со спонтанными текстами. Как кажется, это не зависит от давления письменной нормы – во всяком случае, мы говорим сейчас о нашем опыте работы с бесписьменными языками (хотя справедливости ради надо заметить, что речь идет именно о бесписьменных языках, но не о бесписьменных культурах – в этих сообществах высок уровень грамотности на одном или нескольких неродных языках). Представление о нормализованном, «чистом» тексте, о том, как должна быть устроена речь, «неискаженная» спонтанностью и когнитивными трудностями реализации, присутствует не только у традиционного лингвиста, но и у наивного носителя. Более того, кажется вероятным, что аналогичной нормализации исходный текст подвергается не только при обработке аудио-записи – ситуация, мягко говоря, нетипичная для естественно-языковой коммуникации – но и, например, при цитировании чужой речи (оговоримся, что последнее – лишь гипотеза,

которая хотя и представляется нам вероятной, но требует проверки). Так называемая прямая речь не ориентирована на повторение речевых сбоев исходного речевого акта, за исключением тех случаев, когда эти сбои отрефлексированы и обыгрываются при цитировании. И в том, и в другом случае носитель языка решает, что в речи другого человека является нормальным, а что – ошибкой речепорождения. Встает вопрос, какова природа языковой интуиции, на которую он опирается в своем решении.

Авторы несколько раз ссылаются на концепцию идеального речепорождения (*ideal delivery*). Не исключено, что проблема нормализации спонтанного текста как раз и связана с наивной моделью идеального речепорождения. Это возвращает нас к проводимой в исследовании классификации ЭДЕ на канонические, неканонические и осложненные. По крайней мере, для речевых осложнений и сбоев очевидно, что речь идет об отклонении от «идеального» дискурса – «чаще всего речевые сбои рассматриваются как досадная помеха, “замутнение” исходного языкового материала», но «речевые сбои и способы их преодоления оказываются неопределенным источником информации при обращении к языку с когнитивных, психологических и социологических позиций» (с. 177). Иными словами, авторы различают (или по крайней мере допускают возможность различить) ценность речевых сбоев для собственно лингвистического анализа, с одной стороны, и для анализа речевого поведения человека как частного случая разумного поведения, с другой, утверждая эту ценность именно для последнего (как кажется, вполне справедливо). Про неканонические конструкции речь не идет; возможно, они занимают промежуточное положение. Судя по поведению носителей в связи с вышеупомянутой задачей нормализации текста, идеальность речепорождения в значительной степени является оценочной характеристикой и может варьировать от носителя к носителю и от ситуации к ситуации. С одной стороны, топикализация является базовым механизмом организации дискурса, с другой – незапланированные топики и вообще разного рода перестройки дискурсивных структур на ходу могут оцениваться носителями как отклонения от нормы. Иными словами, лингвистическая аномальность текста – это шкала, возможно, затрагивающая некоторые из явлений, описываемых в главах 5, 6 и 7. Такой подход увеличивает значимость понятия неканонических ЭДЕ, которые в книге определяются только через неизоморфизм просодической и семантико-синтаксической организации речи.

Большое внимание в книге уделено проблеме выделения элементарных единиц дискурса. Это оказывается сложнейшей проблемой, опирающейся на целый комплекс свойств живой речи: просодия, синтаксическая структура, семантическая организация. Становится очевидно, что это не только центральная, но и одна из самых времяземких задач анализа – во всяком случае, в многочисленных спорных случаях. С другой стороны, авторы довольно скоро подводят читателя к мысли о физиологической мотивированности разнообразных характеристик этих единиц – например, замедление к концу реализации элементарной дискурсивной единицы (с интересной параллелью разумному поведению животных), падение амплитуды, граничные паузы (то есть паузы между ЭДЕ) – все эти характеристики связаны с процессом выдыхания воздушного потока. Один из самых фундаментальных результатов анализа звучащей речи, на который ссылаются и который подтверждают авторы книги, – это корреляция между физиологической и семантико-синтаксической организацией. В этой связи не может не вставать вопрос: почему в качестве границы ЭДЕ нельзя признать непосредственно момент, в который говорящий переводит дыхание? Понятно, что перевод дыхания может быть более или менее резким, полным и т. п., но ведь и те основания, на которых в книге предлагается выделять ЭДЕ, также бывают в большей или меньшей степени артикулированы. Понятно также (и это более важно), что, в отличие от просодических характеристик аудиопотока, информация о переводе дыхания является чисто физиологической и не дана нам в непосредственной данности в аудиозаписи. Тем не менее кажется естественным признать в качестве такой границы именно перевод дыхания, а предлагаемые авторами признаки границы – лишь более или менее четкими акустическими следами этой границы. В конце концов, содержательные, когнитивные интерпретации тех или иных явлений корпуса (например, речевых затруднений) также не даны авторам в непосредственном наблюдении – и все же это не мешает им признавать их феноменологическую реальность.

Есть еще одно, менее категорическое, но все же, как нам кажется, существенное соображение, связанное с членением дискурса на ЭДЕ. Авторы исходят из посылки, что любой дискурс однозначно делится на единицы; любая неоднозначность связана только с недостатком информации (нечетко выраженными граничными сигналами). С другой стороны, из теории грамматики известны многочисленные случаи перехода от полипредикативной конструкции к сложному (а потом и простому) гла-

голу. Вероятно, такой переход должен коррелировать с переходом от структуры, состоящей из нескольких ЭДЕ, к структуре, состоящей из одной ЭДЕ. Иными словами, мы предполагаем, что дело не только в том, что границы между ЭДЕ могут быть в разной степени видимы средствами инструментального анализа. Они могут быть в разной степени выражены в самом речевом потоке или, иными словами, в разной степени присутствовать в материале. Это рассуждение примерно аналогично рассуждению про развитие грамматических категорий: если мы фиксируем одно число падежей на некотором историческом этапе развития языка и другое – на другом, мы вынуждены сделать вывод, что те или иные показатели или формы в какой-то момент постепенно интегрировались в эту систему, то есть комбинировали падежные и непадежные свойства. Материал главы 12, как кажется, отчасти подтверждает это само по себе абстрактное соображение – пограничные паузы, отделяющие элементы сложноподчиненных конструкций, значимо меньше по длительности, чем другие вхождения пограничных пауз. Еще более высокую степень интегрированности можно было бы ожидать от фазовых и модальных конструкций, нефинитная часть которых в корпусе также выделяется в самостоятельную ЭДЕ – кажется, скорее на синтаксических основаниях.

Наконец, даже если принять обе посылки выделения ЭДЕ, с которыми мы выше спорили, остается еще одно соображение. Авторы предлагают в неоднозначных случаях комбинировать просодические и семантико-синтаксические критерии. Нам не вполне ясно, насколько последнее оправдано. Эмпирическим результатом проекта является подтверждение тезиса о том, что сегментация речевого потока по просодическим признакам коррелирует с его семантико-синтаксической организацией. Этот результат ценен постольку, поскольку выделение просодических и семантико-синтаксических единиц осуществляется независимо. В тот момент, когда мы принимаем возможность при выделении ЭДЕ опираться на синтаксис и/или семантику, мы ослабляем этот эмпирический результат. Например, затруднительной оказывается интерпретация утверждения о том, что почти 70 % ЭДЕ являются клаузуальными (с. 62). Вот один пример, связанный с таким смешением оснований для выделения ЭДЕ. Так же, как и топик, локативные и временные темы довольно часто предшествуют паузе и имеют характерный для топика восходящий тон и не имеют лишь одного признака топика – номинативного оформления. Но этого признака они не имеют по самоочевидным причинам, так что

невыделение тем этого типа в особый тип перспективной клаузы (с. 114) представляется, по крайней мере, недостаточно мотивированным.

Вызывают серьезные сомнения аргументы, которые авторы выдвигают в доказательство репрезентативности созданного ими корпуса (с. 34–37). Как указывают сами авторы, сильная сторона корпусного подхода – это выявление основных, базовых языковых конструкций. Можно также предположить, что один из главных предметов исследования – инвентарь локальных структур дискурса – достаточно ограничен, чтобы быть неплохо представленным в корпусе столь малого объема (в отличие, например, от лексических и морфологических явлений, для которых необходим корпус несопоставимо большего объема, пусть и с менее глубокой разметкой). Однако ничто не доказывает, что нет таких дискурсивных явлений, в том числе явлений локальной структуры, которые недостаточно частотны для того, чтобы быть в нем представленными. Прекрасно известно, что в письменном узусе бывают достаточно редкие синтаксические конструкции (например, инверсия количественной группы со значением приблизительности) – непонятно, почему мы не должны ожидать других, но не менее редких конструкций в устном дискурсе. Пока в наши задачи входит разработать принципы сегментации речи, корпус такого объема можно, вероятно, считать достаточным, но для многих иных проблем когнитивного анализа дискурса его будет недостаточно. В качестве примеров сошлемся на текст книги – на с. 105 авторы указывают, что низкая частотность ЭДЕ, не содержащих финитной глагольной формы, не позволяет сделать вывод об их когнитивной мотивации – иными словами, объем корпуса не позволяет решить задачу исследования (см. также комментарии о запланированном топики на с. 112).

Еще большие опасения вызывает однородность корпуса с точки зрения представленного в нем типа дискурса, причем однородность сразу по нескольким параметрам – это корпус (а) детских (б) нарративов о (в) сновидениях. Даже если допустить, что тематика не вызывает серьезных смещений в принципах организации дискурса, то тот факт, что это нарративы, представляющие детскую речь, никак невозможно игнорировать при оценке репрезентативности корпуса. Нельзя не согласиться с тем, что «жанр рассказа – один из наиболее фундаментальных и универсальных жанров дискурса», но не менее универсальным и, вероятнее всего, более фундаментальным является диалог, т. е. обмен информацией с активной обратной связью и, в более широкой антропологической

перспективе, использование языка для регулирования жизни популяции, в чем нарратив играет если не второстепенную, то по крайней мере не главную роль. При этом совершенно неочевидно, почему инвентари дискурсивных структур, характерных для этих двух базовых жанров, должны быть идентичны – более того, совершенно непонятно, как они вообще могут быть идентичными. Число вопросительных иллокуций в корпусе невелико (44 вопроса), причем авторы указывают, что общие и специальные вопросы ведут себя просодически различным образом. Формы обращения, как говорят опять же сами авторы исследования, засвидетельствованы в корпусе исключительно или почти исключительно в контекстах цитирования; вероятно, то же верно и о директивных ЭДЕ. Оставим в стороне то, что в диалогических текстах эти типы иллокуций, возможно, более частотны, чем в нарративах, и обратим внимание на следующее: хотя цитирование обращений и императивов является самостоятельным интересным предметом для изучения, вообще говоря, нам ниоткуда не известно, что обращение оформляется при цитировании так же, как в первичных контекстах.

Пожалуй, это единственный и совсем небольшой (на несколько страниц) фрагмент книги, который вызывает серьезное недоумение. Неясно, зачем авторам потребовалось выстраивать столь шаткую аргументацию в защиту репрезентативности своего корпуса, если можно было с гораздо большим основанием сказать, что он достаточен для того, чтобы решить поставленные ими задачи – выявить «базовые» принципы организации русского нарративного дискурса и на порядок упростить последующим исследователям решение методологических и аналитических задач, в том числе адаптацию выводов и методов настоящего исследования к анализу диалогических и иных устных жанров.

Другие соображения носят уже более факультивный характер или не затрагивают существенных узлов теоретической концепции авторов. Приведем несколько из них. В главе 6 имплицитно противопоставляются не данные в непосредственном наблюдении когнитивные затруднения, которые говорящий испытывает при речепорождении, с одной стороны, и, с другой стороны, их внешние проявления в речевом потоке. Так, заполненная пауза признается сигналом хезитации. Здесь казалось бы очень естественным провести это противопоставление и на терминологическом уровне – термин «затруднение» закрепить в описанном выше понимании, а «проявления» называть речевыми сбоями. Авторы используют оба тер-

мина скорее синонимично. В главе 7 прямым цитированием названа такая передача чужой речи, при которой говорящий подает цитируемую речь как не принадлежащую ему и приписывает все особенности интонации, лексики и грамматики исходному автору текста. Косвенным цитированием называется такая передача чужой речи, при которой цитация становится частью подчинительной конструкции и утрачивает свойства оригинала, а полупрямым – любое цитирование, объединяющее черты прямого и косвенного (с. 293–294; определения, впрочем, сильно сокращены). Обратим внимание на то, что прямое цитирование определено как интенция говорящего, а косвенное – как свойства высказывания (неидентичность цитации оригинальному высказыванию). Последнее апеллирует именно к тому традиционному и проблемному подходу, от которого авторы стараются оттолкнуться, справедливо указывая, что исходное высказывание почти никогда не дано ни адресату, ни исследователю в непосредственном наблюдении. Кроме того, априори далеко не очевидно, что косвенное цитирование во всех языках непременно должно быть связано с подчинением, так как существуют и другие, когнитивно более важные способы перестройки цитируемого текста – в первую очередь смещение дейктического центра. Межъязыковая универсальность выводов не является необходимым требованием в рамках данного проекта, но связанная с ней осторожность формулировок была бы очень близка данному разделу по крайней мере по духу.

Из более мелких замечаний озвучим лишь некоторые. Мы бы предложили пересмотреть характеристику статистического распределения количества словоформ в ЭДЕ, обсуждаемого на с. 61, – и по форме кривой, и по

естественным для данного распределения ожиданиям оно кажется скорее логнормальным, чем нормальным, как утверждают авторы. На с. 63 приводятся подсчеты Д.В. Найшуль доли непереходных vs. переходных и одноместных, двухместных vs. трехместных глаголов, но результаты эти, сами по себе интересные, повисают в воздухе, так как никак не комментируются. При обсуждении степени детальности транскрипции достаточно четко определяются те просодические признаки, которые в корпусе игнорируются; однако остается не вполне ясным, являются ли эти признаки скорее адаптивными, автоматически определяемыми просодическим контекстом (как может показаться из обсуждения на с. 82–83), или просто являются нецелевыми для задач транскрипции и сознательно игнорируются (на что, кажется, указывает обсуждение приведенного на с. 81 примера из С.В. Кодзасова или дискуссия о целевых уровнях тона на с. 84 и контрастивных тонах на с. 85). Разделение иллюкций обращения на собственно обращения и апеллятивы (с. 91–92) либо недостаточно убедительно, либо недостаточно мотивировано.

В заключение хочется еще раз дать общую оценку книге. Как и некоторые другие парадигмы современной науки о языке, дискурсивный анализ приходит в нашу лингвистику с заметным опозданием, но зато – возможно, в качестве компенсации – сразу на высоком академическом уровне. На наш взгляд, основная заслуга авторов не в том, что они получили конкретные теоретические результаты анализа структуры дискурса, а в том, что они заложили инструментальный и методологический фундамент такого анализа на будущее.

М.А. Даниэль